

К. М. Шилихина К. M. Shilikhina
Воронеж, Россия Voronezh, Russia

**ИРОНИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ
ДЕОНТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ
В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ**

**IRONIC EXPRESSION OF DEONTIC
EVALUATION IN PUBLIC POLITICAL
DISCOURSE**

Аннотация. На материале текстов российских СМИ и фрагментов компьютерно-опосредованной коммуникации, в которых обсуждается функционирование наиболее важных социальных институтов — государства, церкви, системы образования — демонстрируется, каким образом с помощью иронии говорящему удается апеллировать и к рациональному началу, и к эмоциям читательской аудитории. Одним из самых популярных способов выражения негативной оценки происходящих событий является ирония, используемая в деонтической функции.

Abstract. The research is based on Russian mass-media publications and samples of computer-mediated communication. The texts address the issues of social interaction between the citizens and the most important social institutions: the state, the Russian Orthodox Church and the educational system. The evaluative potential of irony makes it a frequent way of expressing critical stance. Two forms of irony – the absurd (or surrealistic) irony and the propositional negation (or antiphrastic) irony – are the most popular strategies of expressing negative evaluation since they are the most obvious and easiest for recognition.

Ключевые слова: общественно-политический дискурс; социальная норма; оценка; абсурдная ирония; ирония-антифразис.

Key words: public political discourse; social norm; evaluation; surrealistic irony; antiphrastic irony.

Сведения об авторе: Шилихина Ксения Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры теории перевода и межкультурной коммуникации.

About the author: Shilikhina Ksenia Mikhailovna, Candidate of Philology, Doctoral Student of the Chair of Translation and Intercultural Communication.

Место работы: Воронежский государственный университет.

Place of employment: Voronezh State University.

Контактная информация: 394006, Воронеж, Университетская пл., 1.
e-mail: shilikhina@gmail.com.

1. ОЦЕНКА В СТРУКТУРЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА.

Оценка событий, действий и свойств объектов — значимая часть нашей повседневной жизни: и «хорошее», и «плохое» являются одинаково важными компонентами человеческого опыта [Baht 1993]. В свою очередь, выражение оценочного отношения к событиям и явлениям, как положительного, так и отрицательного, можно считать одним из «режимов» взаимодействия человека с окружающим миром. Оценка — это один из важнейших результатов мыслительных процессов, задействованных в восприятии и категоризации фрагментов окружающего мира. То, как мы оцениваем события, явления и объекты вокруг нас, показывает степень соответствия реальности нашему опыту и ожиданиям.

Параллельное существование нескольких оценочных шкал отражает многообразие свойств окружающих нас объектов, событий и явлений: важность / неважность, понятность / неясность, возможность / невозможность, надежность / ненадежность, интересность / неинтересность и др. — это те параметры, по которым потенциально возможно

выражение оценки. Наиболее универсальной шкалой является шкала «хорошо / плохо»: в известном смысле она обобщает все остальные критерии оценки.

Есть еще один вид оценки — оценка деонтическая: «Деонтическая оценка представляет собой квалификацию чего-либо с позиций противопоставления данного и должного. Этот тип оценки является одним из базовых аксиологических модусов наряду с гедонистической, эстетической и утилитарной разновидностями оценки» [Карасик 2012: 139].

Для общества деонтическая оценка не менее важна, чем аксиологическая: именно на основе знания о должном в социуме формируются системы ценностей. Некоторые свойства объектов, действий или явлений, наиболее значимые для членов определенной социальной группы в определенную эпоху, получают устойчивую положительную оценку и становятся своеобразными «точками отсчета» в системе норм и правил, регулирующих взаимодействие людей как на индивидуальном, так и на межгрупповом уровне.

Наиболее важные аспекты деятельности человека становятся объектами постоянного

«ценностного мониторинга» со стороны социума. Потребность в публичном выражении оценки тех или иных действий или высказываний — одна из причин формирования политического и общественно-политического дискурса (основное отличие между ними — в существовании «встречного потока» от аудитории к политикам в общественно-политическом дискурсе; об этом мы писали в следующей работе: [Шилихина 2011]). Кроме того, хотя в обоих случаях задействуются одни и те же каналы передачи информации, эти две сферы коммуникации различаются составом участников и возможностью непосредственного влияния на процессы борьбы за власть).

Вообще говоря, та или иная эксплицитно определенная система ценностей лежит в основе любой идеологии; очевидно, поэтому конфликт идеологий можно считать источником постоянной политической конкуренции. Публичное выражение оценки социально значимых событий лежит в основе практически любого акта политической коммуникации, поскольку политический дискурс строится на презентации и утверждении социально значимых норм и ценностей.

Общественно-политический дискурс предполагает, что возможность публичного выражения оценочного отношения появляется не только у представителей властных структур и профессиональных политиков, но и у рядовых членов общества. Публичному обсуждению и оценке подвергаются, как правило, действия и высказывания, влияющие на жизнь сообщества в целом или значительной его части. Именно эти действия и высказывания формируют основную проблематику публичных общественно-политических дискуссий. Круг проблем, наиболее часто подвергающихся оценке, — от вопросов безопасности до взаимоотношений между гражданами, государством и церковью — показывает, какие аспекты общественной жизни считаются наиболее важными.

Значительно обобщая, можно сказать, что основным объектом деонтической оценки в общественно-политической коммуникации являются взаимоотношения между представителями различных социальных групп. Объектами ценностного отношения становятся поступки и высказывания как групп в целом, так и отдельных их представителей. При этом критерием оценки по шкале «данное — должное» служат существующие в обществе нормы — разделяемые большинством представления о том, как должны выполняться определенные социальные роли. Очевидно, «должным» (и, следовательно, «хорошим») представляется

такое выполнение социальных ролей, которое, с одной стороны, обеспечивает безопасное и комфортное существование членов социальной группы, с другой — соответствует ожиданиям индивида. Напротив, отрицательную оценку, как правило, получают поступки и высказывания, которые угрожают безопасности или каким-либо образом негативно влияют на жизнь сообщества.

Помимо содержательной стороны, публичное обсуждение социальных норм и ценностей имеет также и информационно-техническую составляющую. Наличие доступа к информационным ресурсам во многом определяет возможность публичного выражения оценки. В качестве таких ресурсов в данной статье рассматриваются СМИ и Интернет.

Печатные СМИ традиционно не только выполняют информационную функцию, но и предлагают собственную оценку происходящих событий [Bednarek 2006]. Как правило, новостные сообщения и газетные статьи пишутся профессиональными журналистами и отражают не столько точку зрения самих авторов, сколько позицию определенной социальной группы.

Несколько иная ситуация складывается в компьютерно-опосредованной коммуникации: сегодня Интернет является «площадкой» для публичного выражения «непрофессиональной» оценки социально значимых событий и явлений. Ясно, что любой пользователь является представителем определенной социальной группы, но, как правило, в сетевом дискурсе доминирует не столько групповая идентичность, сколько личностное начало. Таким образом, основные отличия общественно-политического дискурса печатных СМИ и Интернета сводятся к противопоставлению не только по критерию, который можно несколько условно называть «профессиональный дискурс vs. любительский дискурс», но и еще по одному — «выражение групповых интересов vs. выражение частного мнения». Наконец, названные каналы различаются по возможности интерактивного взаимодействия автора с читателями (справедливости ради отметим, что онлайн-версии печатных изданий вполне позволяют читателям высказывать свое мнение в форме комментариев. В этом смысле граница между традиционными СМИ и компьютерно-опосредованной коммуникацией оказывается размытой).

2. ОЦЕНКА КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА. Использование языка в принципе не нейтрально, а в случаях, когда говорящий ставит перед собой цель воздействовать на собеседника, субъективное начало

становится наиболее очевидным: оно проявляется как в отборе языковых средств, так и в степени эксплицитности выражения оценки. Обсуждая возможность выбора, которую предоставляет говорящему языковая система, А. Н. Баранов пишет: «Основной лингвистической предпосылкой языкового варьирования является принципиальное несоответствие между структурой языка как системы и недискретной реальностью. Преобразование недискретного в дискретное в любом случае приводит к искажениям, причем эти искажения нерегулярны — в зависимости от использования тех или иных языковых средств меняется и дискретная интерпретация одного и того же фрагмента реальности и, тем самым, взгляда на него» [Баранов 2001: 216].

Оценка — это всегда результат процесса интерпретации некоторого фрагмента реальности. Дальнейшая вербализация сформировавшегося оценочного отношения — это наиболее очевидное и регулярное проявление субъективного восприятия окружающего мира. Сошлемся на мнение В. Н. Волошинова: «Всякое слово, реально сказанное, обладает не только темой и значением в предметном, содержательном смысле этих слов, но и *оценкой*, т. е. все предметные содержания даются в живой речи, сказаны или написаны в соединении с определенным *ценностным акцентом*» [Волошинов 1930: 105]. И далее: «Поэтому в живом высказывании каждый элемент не только значит, но и оценивает. Только абстрактный элемент, воспринятый в системе языка, а не в структуре высказывания, представляется лишенным оценки» [Волошинов 1930: 107].

С лингвистической точки зрения способы выражения оценки составляют одну из наиболее интересных семантических и прагматических сфер [Вольф 2002; Thompson & Hunston 2001]. Обсуждая семантическую природу оценки и ее связь с языком, Е. М. Вольф писала: «Оценка, очевидно, является универсальной категорией: вряд ли существует язык, в котором отсутствует представление о „хорошо / плохо“. Однако в способах выражения оценочных значений языки проявляют свою индивидуальность. Это объясняется в первую очередь тем, что оценка относится к интенциональному аспекту языка, где преломление картины мира в сознании говорящего осложняется целым рядом факторов» [Вольф 2002: 9].

По мнению Дж. Томпсона и С. Ханстон, оценка в дискурсе выполняет три важных прагматических функции: во-первых, через оценку говорящий выражает собственное

мнение, а также мнение той социальной группы, к которой он/она принадлежит; во-вторых, оценка — это способ создания и поддержания взаимоотношений между участниками дискурса; наконец, оценка является средством организации дискурса в целом [Thompson & Hunston 2001].

Выше мы уже упоминали о том, что именно потребность в выражении деонтической оценки становится «катализатором» общественно-политического дискурса. Публичная дискуссия по поводу того или иного события, как правило, инициируется в случае несоответствия общественно значимых действий или высказываний существующим нормам. В таких ситуациях критика, выражение негативного отношения к событиям и явлениям становится одним из основных способов экспликации системы ценностей. Следует отметить два важных прагматических свойства высказываний, выражающих негативную оценку: во-первых, критика, как и любая другая оценка, может быть выражена как эксплицитно, так и косвенно (например, с помощью иронии). Во-вторых, обязательным компонентом деонтической оценки являются эмоции. Эмоции в значительной мере определяют как способ выражения оценки, так и способ интерпретации сказанного.

Ирония — яркий пример того, как эмоции заставляют говорящего выбирать «нетривиальный», непрямой способ выражения оценочного отношения. Для понимания того, почему среди многих способов выражения оценки говорящий выбирает именно иронию, необходимо помнить, что эмоциональная составляющая иронического высказывания связана с игровым началом, присущим *polibona fide* коммуникации в целом: не только говорящий «играет», тем самым выражая свои эмоции, но и адресат, интерпретируя ироническое высказывание, становится участником игры и испытывает более сложные эмоции по сравнению с прямой коммуникацией (к игровому характеру иронического дискурса мы вернемся чуть позже).

Исследователи часто обращают внимание на то, что имплицитное выражение критики (т. е. отрицательной оценки по шкале «данное — должное») является обязательной функцией иронических высказываний / текстов: «Хорошо известен нормативный уклон в использовании иронии. Чаще всего ирония используется для указания на ситуации, события или действия, которые не соответствуют ожиданиям, основанным на существующих нормах. Основная цель иронии — критиковать или жаловаться» [Wilson & Sperber 2012: 128; пер. мой. — К. Ш.]. Ставшие классическими представле-

ния античных философов об иронии включают в том числе и идеи о том, что ирония — это способ выражения отрицательной оценки, насмешки [Larr 2007].

Есть еще одно важное свойство, которое позволяет говорящему задействовать иронию для выражения скептического отношения: это свойство вытекает из игрового характера *non-bona fide* коммуникации и заключается в возможности отрицания иронической (т. е. критической) интенции и возврату к серьезному общению.

Возможность «отступления», отказа от иронической интенции объясняется, с одной стороны, свойствами естественного языка. Будучи нежесткой знаковой системой, язык почти никогда не дает нам возможности быть абсолютно точными. С другой стороны, как разновидность *non-bona fide* модуса коммуникации ирония обязательно предполагает игру, причем игру не состязательную, в которой правила остаются неизменными, а наподобие тех, в которые играют дети. Детская игра позволяет менять правила и приписывать новые функции используемым предметам в процессе игры. *Non-bona fide* (несерьезная) коммуникация, по сути, — такая же игра, позволяющая использовать языковые знаки «понарошку» и менять правила интерпретации сказанного в процессе общения.

Переход от *non-bona fide* к *bona fide* коммуникации, т. е. от игры к не-игре и обратно может эксплицироваться с помощью метапрагматических комментариев (например, *я говорю серьезно* или *я иронизирую*), которые задают правила интерпретации сказанного. Однако смена правил интерпретации сказанного может осложняться еще и тем, что сами метапрагматические комментарии также могут использоваться иронически. Такой сложный способ выражения оценки (по сути это ирония второго порядка, или метаирония) используется в следующем фрагменте:

<1> Каждый раз, когда я вижу милицкий автомобиль, который вместе с другими автомобилями стоит перед красным сигналом светофора, меня не оставляет ощущение, что эта машина украдена. Я не верю, что обычный отечественный милиционер в ясном уме и твердой памяти по доброй воле согласится стоять вместе со всеми в очереди, вместо того чтобы проехать на красный, развернуться через двойную сплошную или припарковаться в третьем от бордюра ряду. Поэтому предлагаю: выявить всех милиционеров, останавливающих на красный сигнал светофора, произвести их в генералы и пору-

чить этим генералам подбор офицеров низшего звена. Говорю вам без всякой иронии: я не знаю никакого другого способа отличить хоть сколько-нибудь пригодного к службе милиционера от непригодного [Бахтин 2010].

Абсурдное представление ситуации можно «оправдать» только при интерпретации текста как иронического: очевидно, мысль о том, что нарушение закона является частью профессиональной деятельности представителей органов правопорядка, противоречит системе общественных норм. Ирония помогает восстановить когерентность текста и соотнести его с существующими нормами и ценностями. Абсурд — это по сути имплицитная апелляция к существующим в обществе представлениям о том, «как должно быть». Метапрагматический комментарий *говорю вам без всякой иронии* внешне выглядит как отказ от иронии, но полное несоответствие между «данным» и «должным» не отменяет критическую оценку и насмешку, а наоборот, усиливает их. Таким образом, ирония превращает обсуждение социально значимой проблемы в игру, позволяя говорящему выражать собственное мнение и одновременно дистанцироваться от сказанного.

Очевидно, это сочетание свойств — обращение одновременно к рациональному и эмоциональному восприятию и возможность «отмены» интенции — позволяет иронии закрепиться в качестве одного из основных способов публичного выражения критической оценки.

3. ДЕОНТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА КАК ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИРОНИИ.

Возможность выражения деонтической оценки через иронию тесно связана с этическим понятием нормы. Неудивительно, что идея сопоставления ситуации с некоторым идеальным представлением о ней используется во многих современных теориях для объяснения процессов порождения и понимания иронии. По мнению авторов теории иронии как притворного намека (Allusional Pretense Theory of Verbal Irony), именно оценочный потенциал лежит в основе процесса интерпретации высказывания или текста как иронического. Такая интерпретация становится возможной в тех случаях, когда адресат опознает отсылку к ожиданиям, нормам или соглашениям, которые были каким-либо образом нарушены [Kumon-Nakamura, Glucksberg & Brown 1995].

Оценочная составляющая иронического дискурса также лежит в основе одной из наиболее популярных современных лингвистических моделей иронии — теории

иронии-как-эха Д. Спербера и Д. Уилсон. Отправной точкой в рассуждениях Спербера и Уилсон является идея о том, что любое ироническое высказывание так или иначе апеллирует к нашему знанию об определенных социальных нормах и ценностях (отсюда метафора эха). Ирония возникает как результат несоответствия между этим знанием и пропозицией высказывания. Имплицитная отсылка не только к тому, что было сказано ранее, но и к существующим в обществе представлениям о том, «как все должно быть» (т. е. к нормам и ценностям), отличает иронический дискурс от других способов коммуникации. С точки зрения теории иронии-как-эха интенция говорящего заключается не в сообщении информации, а в передаче собственного отношения к упоминаемому высказыванию или общеизвестной норме.

Итак, ирония, отсылая читателя к существующим нормам и ценностям, становится одновременно способом выражения негативной оценки (рационального компонента) и насмешки (эмоционального компонента) в общественно-политической коммуникации. Посмотрим далее, как реализуется деонтическая функция иронии при обсуждении тем, связанных с функционированием наиболее значимых социальных институтов: государства, церкви, системы образования.

3.1. Взаимоотношения гражданина и государства. Взаимоотношения гражданина и государства — это основная тема общественно-политической коммуникации. Обычно поводом для публичной дискуссии становятся действия представителей властных структур: полиции, чиновников, депутатов. Так, на сообщение, озаглавленное *В Воронеже полицейский УАЗик врезался в автомобиль сотрудников ГИБДД* [В Воронеже полицейский...], читатели отреагировали ироничными комментариями, выражающими отрицательную оценку деятельности представителей правоохранительных органов:

<2> а) *Вспомнилась хорошая старая песня*

*Наша служба и опасна, и трудна,
И на первый взгляд как будто не видна)*

б) *Правила нарушились сами...* [Там же]

По сути, в приведенных комментариях речь идет о соответствии (точнее, несоответствии) действий представителей государства существующим законам и нормам. Известная песня, процитированная в первом комментарии, — это отсылка к некоторому идеальному представлению о поведении полиции; цитата иронически указывает на расхождение действий участников ДТП с

этим идеалом. Второй комментарий также отражает несоответствие между основной функцией правоохранительных органов — соблюдением законов — и нарушением законодательно утвержденных правил дорожного движения.

Не только сам факт иронического выражения негативной оценки, но и способы создания иронии являются показателем конфликта во взаимоотношениях граждан с государством: чем больше несоответствие между реальной ситуацией и существующими нормами и ценностями, тем более явной становится ирония. Отрицательная оценка, имплицитно присутствующая в ироническом тексте, легко восстанавливается читателем, если автор использует либо абсурдную иронию, либо классическую иронию, интерпретируемую «от противного». Следующий фрагмент — обсуждение того, как чиновники решают проблему безопасности дорожного движения в России — пример иронии-антифразиса:

<3> *Один из излюбленных методов борьбы чиновников с аварийностью — это научные исследования (так называемые НИОКРы). На эти цели власти готовы потратить еще несколько миллиардов рублей. За сложными формулировками кроются банальные и очевидные вещи, которые уже давно изучили в Европе и в США... И еще они очень любят вкладывать средства налогоплательщиков в изучение зарубежного опыта: „Проведение системных исследований и подготовка научно обоснованных предложений по совершенствованию системы учета показателей состояния безопасности дорожного движения на основе анализа существующей практики и зарубежного опыта“. **Бесспорно, ценнейшие научные работы** — изучение зарубежного опыта и методика проверки работы других чиновников на фоне десятков тысяч погибших в автокатастрофах* [Шипилов].

Превосходная степень прилагательного и вводное слово *бесспорно* — два показателя классической иронии «от противного»: чем более гиперболично описывается некоторое событие или действие, тем более мелким и незначительным оно предстает при «замене знака».

3.2. Государство, религия, образование. Если тема взаимодействия граждан с государством в общественно-политических дискуссиях является постоянной, то две других темы — взаимоотношения граждан с церковью и реформа образования — стали объектами публичных дискуссий относительно недавно. Обе темы затрагивают ин-

тересы значительной части общества; в обоих случаях очевидна тесная связь с системой общественных ценностей. Так, несоответствие действий священнослужителей христианским нормам поведения легко становится объектом иронической критики, поскольку библейские заповеди играют роль ценностного эталона:

<4> А во что еще верить в ситуации полной беспросветности, как не в чудеса. Хотя само по себе чудо уже снизошло на Россию и упорно держится над нею — высокие цены на энергоносители. Чудо, которое ежедневно профукивается и конвертируется в локальные чудеса и золотые дожди над кооперативом „Озеро“. Сказано же — солидный господь для солидных господ. (У которых даже часы невидимые, хотя и отражаются на полированных поверхностях.) А для остальных — канализация гнева против кощунниц. Ждите своего чуда и бейте тех, кто покушается на вашу веру. А государство вам поможет специально сформулированными законами против богохульства, отправляя Россию прямиком в Средневековье [Колесников 2012].

Объектом оценки в приведенном выше фрагменте являются взаимоотношения трех сторон: государства, церкви и граждан. Если критическая оценка действий государства по регулированию отношений между церковью и гражданами выражается эксплицитно, то роль церкви в сложившейся ситуации оценивается иронически. Основной объект иронии — несоответствие поведения священнослужителей христианской норме примата духовного над материальным.

Сходным образом отреагировали читатели на новость об автомобильной аварии в Москве, одним из участников которой стал священнослужитель. Причиной общественного интереса к этому событию стал не столько статус священнослужителя, сколько тот факт, что в момент аварии он был за рулем дорогого автомобиля. Нетрудно заметить, что в приведенном ниже фрагменте ирония «от противного» присутствует не только в комментарии, но и в самом информационном сообщении:

<5> Настоятель московского храма Илии Обыденного игумен Тимофей (Алексей Подобедов), попавший в ДТП на Садовом кольце 31 июля, „забыл“ о покупке спорткара BMW Z4. Ранее священник заявлял, что иномарка, на которой он попал в аварию, принадлежит его другу, однако на самом деле игумен приобрел спорткар за 10 дней до ДТП, пишет „Московский комсомолец“. // Ну сотрудники РПЦ умеют за-

рабатывать на „нестяжательстве“:) [Форум «Рос БизнесКонсалтинг»].

Комментарий эксплицитно отсылает к одной из христианских ценностей, причем контекст упоминания — оксюморон *рабатывать на „нестяжательстве“* — указывает на несоответствие действий служителей церкви проповедуемым ими идеям. Именно это несоответствие является объектом отрицательного отношения, выраженное через иронию.

Взаимоотношения церкви и системы образования — еще одна активно обсуждаемая тема. Интерес к ней объясняется тем, что увеличение роли церкви в образовательном процессе противоречит нормам светского образования. Именно это противоречие подвергается критической оценке и вызывает иронические комментарии. Пример ситуации, когда это противоречие обострилось и вызвало поток критических высказываний, — открытие кафедры теологии в МИФИ. Пример *<6>* — комментарий к сообщению об этом событии на одном из российских новостных сайтов:

<6> Я студент МИФИ. Вашему удивлению нет предела? А представьте нас, студентов. Я сам православный, но считаю подобным фенечкам в ВУЗе делать нехер. Сначала нашу статую у проходной выкинули, а на ее месте поставили крест в честь приезда Кирилла. В общагах у нас на 18—20 квадратах живут по 5 тел, которым лапшу вешают про „скорое расселение“... Теперь будем изучать „божью помощь в деление атома“ и как ладаном вирусы с компьютеров изгонять, свечи за правильность сборки и компиляции ставить (орфография и пунктуация источника сохранены. — К. Ш.).

В приведенном комментарии отрицательная оценка положения дел выражается как эксплицитно, так и через иронию, когда ситуация доводится до абсурда. Несовместимость религиозных догм и научного познания демонстрируется через очевидное противоречие здравому смыслу действия.

Анализ имеющегося корпуса текстов показывает, что абсурдная ирония — самый частый способ выражения отношения к факту открытия кафедры теологии в техническом вузе. В примере *<7>* эта ситуация представлена как пародия на рекламный текст:

<7> Новая кафедра теологии МИФИ предлагает следующие спецкурсы:

1. Квантово-волновая теория того света.

2. Защита атомных реакторов с помощью ладана и святой воды.

3. Закон сохранения энергии как частный случай закона Божьего.

4. Основы релятивистской религии — самой современной антинаучной теории [Ионов].

Смещение традиционно противопоставляемых способов познания мира — естественно-научного и религиозного — становится объектом иронической критики. Иронический эффект достигается за счет контаминации словосочетаний, характерных для научного и религиозного дискурсов. Очевидная некогерентность коллокаций одновременно порождает комический эффект и служит сигналом отрицательного отношения автора к обсуждаемой ситуации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Подведем итоги. Деонтическая оценка — один из обязательных компонентов, обеспечивающих существование человека в социуме, поскольку освоение новой ситуации обязательно предполагает ее оценку с точки зрения соответствия этой ситуации имеющимся у индивида ожиданиям, а также сложившимся в обществе системам норм и ценностей.

Деонтическая оценка играет особую роль в общественно-политической коммуникации: как правило, именно несоответствие событий социальным ценностям стимулирует публичные дискуссии. Игровой характер коммуникации, присущий *non-bona fide* модусу в целом, позволяет говорящему при необходимости отказаться от иронической интенции. Кроме того, элемент игры позволяет не выражать норму эксплицитно, но тем не менее отсылает к ней.

Ирония, апеллируя и к рациональному, и к эмоциональному началу, позволяет говорящему не только показать несоответствие между реальной ситуацией и существующими в обществе нормами и ценностями, но и выразить насмешливое отношение к событиям, происходящим вокруг.

Анализ текстов СМИ и фрагментов компьютерно-опосредованной коммуникации показал, что абсурдная ирония и классическая ирония-антифразис являются наиболее частыми приемами выражения негативной деонтической оценки: с одной стороны, эти разновидности иронии легче других распознаются адресатом, с другой — абсурдное

представление ситуации или ее описание через скрытое отрицание позволяет автору текста показать, как велико расхождение между данным и должным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. — М. : Эдиториал УРСС, 2001.
2. Бахтин Ф. Письмо главного редактора. 2010. 18 марта. URL: http://esquire.ru/ed_letter-53.
3. В Воронеже полицейский УАЗик врезался в автомобиль сотрудников ГИБДД // Моё! : газ. 2012. 19 нояб. URL: <http://www.moe-online.ru/news/view/250672.html>.
4. Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. — Л. : Прибой, 1930.
5. Вольф Е. Функциональная семантика оценки. Изд. 2-е, доп. — М. : Эдиториал УРСС, 2002.
6. Ионов А. Запись на стене // ВКонтакте : сайт. URL: http://vk.com/wall92696225_5552.
7. Карасик В. И. Деонтическая оценка в поэтическом тексте // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 10. — Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2012. С. 139—161.
8. Колесников А. Люся в небесах с алмазами // Газета.ru : сайт. 2012. 11 нояб. URL: <http://www.gazeta.ru/column/kolesnikov/4786697.shtml>.
9. Форум «РосБизнесКонсалтинг». URL: <http://forum.top.rbc.ru/index.php?showtopic=9042681>.
10. Шилихина К. М. Ирония в политическом диалоге // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 177—182.
11. Шипилов Е. Футболки и кепки против ДТП. URL: http://www.gazeta.ru/auto/blogs/shipilov/b_4839681.shtml.
12. Bahm A. Axiology: The Science of Values. — Amsterdam : Editions Rodopi, 1993.
13. Bednarek M. Evaluation in Media Discourse: Analysis of a Newspaper Corpus. — London ; N. Y. : Continuum International, 2006.
14. Kumon-Nakamura S., Glucksberg S., Brown M. How about Another Piece of Pie: The Allusional Pretense Theory of Discourse Irony // Journal of Experimental Psychology. 1995. № 124. P. 3—21.
15. Lapp E. Linguistik der Ironie. — Tübingen : Gunter Narr Verlag, 1997.
16. Thompson G., Hunston S. Evaluation: An Introduction // Evaluation in Text: Authorial Stance and the Construction of Discourse. — N. Y. : Oxford Univ. Pr., 2001. P. 1—27.
17. Wilson D., Sperber D. Explaining Irony // Meaning and Relevance. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2012. P. 123—146.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова